

шей или меньшей степенью детализации) отражены в «Стратегиконе»¹⁰. Влияние Онасандра на Маврикия неоспоримо, но подход последнего к данной проблеме существенно иной. В трактате Маврикия онасандровские критерии пересмотрены, выработана другая шкала их ценности, акценты перетасованы и перемещены, сформулирован ряд новых принципов — в результате нарисованный Маврикием идеальный образ военачальника гораздо более жизнен и полнокровен.

В отличие от Онасандра, Маврикий стоит на почве реальной армейской действительности. Он не позволяет себе увлечься абстракциями: в его сознании постоянно доминирует мысль о целях сочинения как практического военного руководства. Будучи сам военным практиком, он адресует свой трактат коллегам по профессии. Он уверен, что их будут в первую очередь интересовать те реальные, жизненные ситуации, которые складываются в армии в отношениях между командирами и подчиненными. Поэтому и процесс конструирования идеального облика стратига в трактатах Онасандра и Маврикия происходит весьма различными путями. У Онасандра этот облик сформирован априори; задача автора заключается лишь в том, чтобы раздробить его на отдельные составляющие — черты характера, проиллюстрировав последние специально подобранным «военным» материалом. Маврикий поступает прямо противоположным образом: анализ реальной армейской жизни дает ему материал для оценок методов военного руководства с точки зрения их желательности, допустимости или невозможности. На основе авторских симпатий и антипатий (а они у Маврикия выражены всегда максимально четко) читатель получал ясное представление о выдвигавшихся тогда перед военными руководителями требованиях и о тех моральных и профессиональных качествах военачальников, которые должны были этим требованиям соответствовать.

Благодаря такому способу расположения материала Маврикий вовсе не навязывал читателю свой идеал военачальника — он только помогал ему разобраться в том, что здесь заслуживает одобрения, а что — порицания. Поэтому идеал Маврикия, помимо своей реальности, материальной осязаемости, приобретал еще одну черту, которой так недоставало в построениях Онасандра, — динамичность, способность к переменам в соответствии с изменяющейся обстановкой.

Однако и в концепции Маврикия имеется критерий, которому он придает безусловное значение, причем этот критерий — единственный, не являющийся производным от армейской практики, но во времена Маврикия прилагавшийся к военной сфере столь же органично и универсально, как и к любой другой сфере общественной жизни. Речь идет о критерии благочестия. Маврикий убежден, что именно благочестие, дополняемое боевым опытом и полководческим искусством, — самая надежная гарантия военного успеха. Маврикий сравнивает при этом стратига с кормчим, который твердо ведет корабль через бурное море, уповая на собственное мастерство и всецело полагаясь на божественное благоволение¹¹.

Полководец в образе кормчего — аналогия, известная Онасандру¹²; он тоже не был чужд идее религиозного обеспечения полководческой деятельности. Специальная (очень краткая) глава его трактата обязывает стратига провести духовное очищение войска перед походом, принести жертвы, предписанные обычаем или назначенные в предсказаниях¹³. В дальнейшем изложении уже более подробно рассказано, что непосредственно перед боем нужно вновь совершить жертвоприношения и по внутренностям жертвенных животных определить его вероятный исход. Заниматься этим должны жрецы и гадалки, которые следуют с войском, но желательно, чтобы и сам стратиг был сведущ в таких делах. Если пред-

¹⁰ Анализ соответствующих разделов трактата Маврикия см.: *Удальцова З. В.* Идеино-политическая борьба в ранней Византии. М., 1974, с. 309—316.

¹¹ *Mauricius. Arta militară. Ediție critică, traducere și introducere de H. Mihaescu (Scriptores byzantini, VI).* București, 1970 (далее: *Mauricius*), VII, 1, 1, p. 164.

¹² *Onasander, XXXIII, 2*, p. 480.

¹³ *Ibid.*, V, p. 392—394.